

Научная статья

УДК 78.071.1

DOI: 10.56620/2227-9997-2025-1-10-20

Конюсы: между Россией и Францией

Татьяна Юрьевна Масловская

*Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва, Россия,
tmaslovskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9004-7894>*

Аннотация: История семьи Конюсов — лишь малая часть двусторонней темы «Иностранцы в России и русские за рубежом», привлекающей исследователей самых разных специальностей.

В Москве и Петербурге жили и работали целые музыкальные и художественные династии: кроме Конюсов — Бенуа-Кавосы, Метнеры-Гедике, Альбрехты, Керцелли, Лангеры. Все они внесли свою существенную долю в созидание русской культуры. На примере семьи Конюсов можно наблюдать особенности существования и деятельности «русских иностранцев», которые считали Россию своей родиной и при этом сохраняли связь с национальными корнями и традициями. В этой неизбежной раздвоенности между двумя родинами, национальными культурами, где сложно и причудливо менялись местами «свое» и «чужое», — своеобразии жизненного поведения и творчества «русских иностранцев» и драма многих из них. Представителям музыкальных династий присущ «итоговый» характер деятельности, как бы завершающий достижения предков. Эта особенность, а также степень притяжения к разным национальным полюсам своеобразно проявились в судьбах трех братьев-музыкантов: Георгия, Льва и Юлия.

Ключевые слова: братья Конюсы, Чайковский, Рахманинов, Московская консерватория, Париж, возвращение на родину

Для цитирования: Масловская Т. Ю. Конюсы: между Россией и Францией // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2025. № 1. С. 10–20. DOI: 10.56620/2227-9997-2025-1-10-20

Original article

Konyus: between Russia and France

Tatiana Yu. Maslovskaya

*Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia,
tmaslovskaya@list.ru , <https://orcid.org/0000-0002-9004-7894>*

Abstract: The history of the Konyus family is only a small part of a two-sided topic "Foreigners in Russia and Russians abroad", which attracts researchers from a wide variety of specialties.

Entire musical and artistic dynasties lived and worked in Moscow and St. Petersburg: in addition to the Konyus — Benoit-Kavos, Medner-Gedike, Albrecht, Kerzelli, Langer. All of them have contributed their significant share to the creation of Russian culture. Using the Konyus family as an example, one can observe the peculiarities of the existence and activities of "Russian foreigners" who considered Russia their homeland and at the same time maintained their connection with national roots and traditions. In this inevitable split between two homelands, national cultures, where "one's own" and "another's" places were complexly and bizarrely reversed, there is a peculiarity of the life behavior and creativity of "Russian foreigners" and the drama of many of them. Representatives of musical dynasties have a "final" nature of activity, as if completing the achievements of their ancestors. This feature, as well as the degree of attraction to different national poles, manifested itself in a peculiar way in the fates of three musician brothers: George, Lev and Julia.

Keywords: Konyus brothers, Tchaikovsky, Rachmaninoff, Moscow Conservatory, Paris, homecoming

For citation: *Maslovskaya T. Yu. Konyus: between Russia and France. Scholarly papers of Gnesin Russian Academy of Music. 2025;(1):10-20 (In Russ.). DOI: 10.56620/2227-9997-2025-1-10-20*

Петр Ильич Чайковский любил и высоко ценил семью известного в свое время педагога и пианиста Эдуарда Константиновича Конюса, из семи детей которого четверо стали музыкантами¹. Известно, каким неожиданным подарком (а именно присуждением ежегодной поощрительной композиторской пенсии в 1200 рублей) обернулось для Георгия Эдуардовича, впоследствии одного из самых уважаемых профессоров-теоретиков Московской консерватории, восторженное отношение Чайковского к его оркестро-

¹ Статья представляет собой дополненный вариант ранней работы автора: «Юлий Конюс. Возвращение на родину» // Труды Государственного Центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Альманах. вып. I. Москва: Композитор, 1999. С. 229–237.

Илл. 1. Братья и сестры
КонюсPic. 1. Brothers and sisters
Konyus

вой сюите «Из детской жизни». Петр Ильич собирался исполнить ее в Петербурге в ноябре 1893 года, но не успел. Младшему брату Льву, только что окончившему консерваторию, Чайковский доверил сделать четырехручное переложение Шестой симфонии, которую Лев исполнил вместе с Танеевым в присутствии автора. Но больше всех Петр Ильич любил Юлия — Жулика, как он его называл. В письмах к нему и к другим адресатам Чайковский неизменно проявляет к Юлию почти отеческую заботу и выражает уверенность, что при своем огромном таланте он должен *«перещеголять всех ныне живущих скрипачей»*². Письма Чайковского к Ю. Конюсу опубликованы. Совершенно особые по душевному настрою и переполняющей их деятельной доброте, они в первую очередь характеризуют натуру Петра Ильича, а затем, конечно, адресата, достойного такого к себе отношения.

Цена Юлия не только за блестящий талант, но и прекрасные человеческие качества, Чайковский всячески старался поддержать молодого музыканта в его артистическом становлении. С помощью Петра Ильича Юлий после окончания консерватории (а окончил он ее с золотой медалью по классу скрипки И. Гржимали) отправляется совершенствоваться в Париж к знаменитому Ж. Массару и становится лауреатом парижской Национальной академии музыки³. В 1891 году Чайковский рекомендует Конюса в качестве концертмейстера в Нью-Йоркский симфонический оркестр, а по возвращении из Америки просит Сафонова взять его преподавателем скрипичного класса в консерваторию.

Юлий, в свою очередь, по просьбе Чайковского помогал ему практически советами во время инструментовки Шестой симфонии. Помогал он и дру-

² Чайковский П. И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: в 17 т. Т. 16-Б. М.: Музыка. 1979. С. 18–19.

³ Конюс Ю. Э. Автобиография. РНММ, ф. 62, ед. хр. 2111.

Илл. 2. Л. Конюс, Н. Морозов, А. Аренский, С. Рахманинов (слева направо)

Fig. 2. L. Konyus, N. Morozov, A. Arensky and S. Rachmaninov (from left to right)

гим музыкантам: Танееву, который посвятил Юлию монументальный Шестой квартет, Рахманинову, Метнеру...

Конюс был превосходным исполнителем камерных инструментальных сочинений. Среди его многочисленных выступлений обращают на себя внимание два символических события, связанные между собой далеко не случайным духовным родством: исполнение трио «Памяти великого артиста» ор. 50 Чайковского с С. Танеевым и А. Брандуковым 29 сентября 1891 года в присутствии автора и участие в премьере «Элегического трио» (ор. 9 памяти Чайковского) Рахманинова 31 января 1894 года с автором и Брандуковым. Кажется, иначе и быть не могло, что в этой излившейся из глубины души молодого Рахманинова эпитафии любимому композитору партию скрипки исполнил именно Жюль Конюс.

В консерваторские годы началась многолетняя дружба братьев Юлия и Льва с Рахманиновым. В 1893 году Рахманинов посвятил Юлию две пьесы для скрипки и фортепиано, ныне широко известные — Романс и Венгерский танец. А позже они стали и родственниками: в 1933 году Татьяна Рахманинова вышла замуж за сына Юлия Эдуардовича — Бориса, математика. Со Львом Сергей Васильевич учился на одном курсе, оба писали дипломную работу на сюжет «Цыган» Пушкина. В последнюю встречу с семьей Льва Эдуардовича в Цинциннати, в 1943 году, незадолго до смерти, Сергей Васильевич, глядя на фотографию, запечатлевшую обоих выпускников с их учителем А. С. Аренским, спросил Льва, «помнит ли он свое дипломное сочинение? Лев Эдуардович ответил:

— Конечно, нет, это ведь было более 50 лет тому назад.

— А я помню твою тему, — ответил Сергей Васильевич, сел и сыграл» [1, 248].

Лев был прекрасным пианистом, но из-за болезни оставил карьеру концертующего музыканта и нашел себя в педагогике. В 1896 году открыл част-

Илл. 3. Георгий Эдуардович Конюс
Pic. 3. Georgy Eduardovich Konyus

ную музыкальную школу, где помимо членов его семьи преподавали Н. Метнер, Е. Катуар, С. Козолупов, Н. Авьерино. Позже вел фортепианный класс в Московской консерватории — до своего отъезда за границу.

После революции Юлий и Лев покинули Россию и как французские подданные оказались в Париже. (Из всей семьи, предки которой жили в России с конца XVIII века, лишь Георгий Эдуардович в 1904 году, то есть со срока двух лет от роду, принял русское гражданство, чтобы занять должность директора Филармонического училища.) Лев стал одним из основателей Русской консерватории в Париже. А в 1935 году при содействии Рахманинова переехал в США и до конца жизни возглавлял кафедру фортепиано в Музыкальном колледже Цинциннати.

Деятельность Юлия за границей развивалась в четырех направлениях: преподавание

в Русской консерватории, редакторская работа в издательстве С. Кусевицкого, изобретение и внедрение в производство нотопечатной гравировальной машины «Люкс», композиция. На двух последних пунктах остановлюсь подробнее.

Изобретенная Юлием Эдуардовичем гравировальная машина «Люкс», судя по имеющимся достаточно скудным сведениям, была более совершенной по сравнению с другими, кроме того, она давала до 60% экономии времени при печатании нот. Обстановка в Европе была беспокойная, близилась Вторая мировая война. Издательства закрывались или работали вполсилы, и спрос на новую машину был невысок. И все-таки на ней печатали свою продукцию издательства «Макс Эшиг», «Салабер», «Франсис Дэй», Российское музыкальное издательство, издательства Беляева, Циммермана и др.⁴ Позже, в Москве, отвечая на вопросы специалистов, Ю. Конюс заметил: «*Российское музыкальное издательство гравировает и печатает у нас произведения Прокофьева, Стравинского, а также Метнера, Дукельского и других русских композиторов новой школы*»⁵.

При изобретении гравировальной машины в Юлии Эдуардовиче, вероятно, проснулись таланты его прадеда по материнской линии, итальянца Франческо Вендрамини, который «*получил в 1818 г. звание академика Санкт-Петербургской академии художеств; в 1849 г. был избран ею в почетные вольные общники, а в 1853 г. — возведен в звание профессора гравирования*»⁶. Во-

⁴ См. ф. 62, ед. хр. 2118. Авторская орфография и пунктуация здесь и далее сохранены.

⁵ РНММ, ф. 62, ед. хр. 2117.

⁶ См. Энциклопедический словарь Брокгауза, т. Va [2, 23].

обще, почти все научные и художественные таланты предков весьма своеобразно продолжились и подытожились в детях Эдуарда Константиновича. Талант скрипача, альтиста, инструментовщика Юлий унаследовал от деда Константина Леопольда Конюса, выходя из Лотарингии, который «в равной мере был сведущ и в музыке (как квартетист играл на альте, инструментовал для оркестра), и в естественных науках» [там же], был сотрудником Орнитологического кабинета Московского университета.

Георгий Эдуардович естественнонаучные интересы своего деда спроецировал на теорию музыки: его капитальный труд имеет характерное название «Эмбриология и морфология музыкального организма». Такой завершающий характер деятельности и творчества характерен и для других династий «русских иностранцев», например, для Метнеров-Гедике⁷.

Композиторская деятельность Юлия Эдуардовича за границей отчасти была вынужденной. Ученик Танеева и Аренского (класс контрапункта, фуги и свободного сочинения), он прекрасно владел композиторским мастерством, в том числе полифонической техникой. Это особенно пригодилось, когда в поисках средств к существованию он взялся за обработку грегорианских напевов, сначала в монастыре св. Перминии, а позже, в конце 1930-х годов — в Польше. Католик по крещению, но равнодушный к религии, москвич по воспитанию и образу жизни, Конюс мало соответствовал монастырскому стилю, и поначалу работа приводила его в отчаяние⁸. Из письма к Н. К. Метнеру: «Только что кончил гармонизацию зауспокойной обедни из 10-ти частей на грегорианские напевы, над которой пыжился и немало кряхтел: некоторые места доводили до озверения и бешенства... Только что отправил письма Сергею Васильевичу [Рахманинову] и Александру Константиновичу [Глазунову], жалуясь на монотонность, а иногда и нелепость грегорианского стиля...»⁹. Непростыми были и отношения с монастырским начальством. После одного из конфликтов Конюс пишет Метнеру: «Не так-то легко и просто иметь

Илл. 5. Лев Конюс

Pic. 5. Lev Konyus

⁷ Подробнее об этом — в статье Масловской Т. Ю. «Русские иностранцы» и музыкальная культура Москвы / Келдышевский сборник. Гос. Институт искусствознания. М., 1999. С. 240–251.

⁸ Не без юмора описывает Юлий Эдуардович свой приезд в монастырь св. Перминии: «После трапезы монах пробормотал по-латыни не понятную мне молитву, на всякий случай я сказал "amen", и меня провели в мою келью... Вспомнил грешную свою жизнь и стало немного жутко. Спал все же прекрасно...» (РНММ, ф. 132, ед. хр. 1046).

⁹ РНММ, ф. 132, ед. хр. 1045.

в своем распоряжении музыканта, расплачиваясь с ним деревенским воздухом, а с моей стороны, за невозможностью отказаться от этой роскоши, так как пустой карман не позволяет мне предпочесть другую атмосферу»¹⁰. Со временем Юлий Эдуардович набил руку и даже получал удовольствие от исполнения своих хоровых композиций: «Приятно было услышать написанное мною в прекрасном исполнении в больших французских соборах русским (!) хором. Пели, как могут **только** [выделено Конюсом] русские петь, проникновенно... прекрасно! Очень наслаждался»¹¹.

Те же сочинения, что создавались не ради заработка, никак не соприкасались с грегорианской сферой. Еще в России, в 1896 году был написан романтический Скрипичный концерт, известный и за границей. В частности, есть отклик в журнале «Musical Amerika» на выступление Ф. Крейсlera, который в Нью-Йорке «с большим успехом исполнил концерт для скрипки с оркестром русского композитора Конюса... По-видимому, Крейслер обожает концерт Конюса и играет его с особенной любовью. Сочинение изобилует увлекательными мелодиями и требует от исполнителя блестящей техники»¹².

В 1932–1933 годах Конюс был увлечен работой над балетом, не слишком надеясь на его постановку. Это сочинение тоже имело своего рода завершающий характер: основой стали фортепианные этюды из сборника отца, Эдуарда Константиновича, «Проблемы ритма в 60-ти прелюдах», изданного в 1881 году и «одобренного Женевской музыкальной академией, а также Петербургской, Варшавской и Венской консерваториями»¹³. Подтолкнул Юлия к этой работе Рахманинов, который выразил С. Кусевицкому свое удивление «касательно превосходной музыки»¹⁴ транскрипций ритмических задач, сделанных Конюсом¹⁵. Несколько номеров Юлий Эдуардович подготовил специально для балетного конкурса, в котором с большим успехом участвовала его племянница Наталья Георгиевна. Работая над балетом, Конюс искал сюжет, который могли бы принять в Москве, и остановился на мифе об Икаре. Впрочем, он был готов даже пойти на компромисс: «Сюжет здесь может быть одним, а в Москве другой. Я слышал, “Гамлета” щекспировского революционно перекроили?»¹⁶, чтобы достичь главной цели — вернуться в Москву.

С начала 1930-х мысль о Москве становится все более настойчивой: «Очень жаль, что сижу без всяких средств, так как если бы была у меня малейшая возможность, я бы немедленно приехал в Москву с чертежами машины моей и с музыкой балета, т.к. уверен, что одно и другое могло бы быть принятым»¹⁷.

¹⁰ Там же, ф. 132, ед. хр. 1043.

¹¹ Из письма к Н. Г. Конюс от 19 июня 1937 года. РНММ, ф. 62, ед. хр. 2100.

¹² РНММ, ф. 62, ед. хр. 2120.

¹³ Конюс Ю. Э. Автобиография. РНММ, ф. 62, ед. хр. 2111.

¹⁴ РНММ, ф. 62, ед. хр. 2656.

¹⁵ «Транскрипции ритмических задач» — так Конюс называл свою работу в различных письмах.

¹⁶ Из письма к Г. Э. Конюсу от 1 авг. 1932 г. Там же, ед. хр. 2652.

¹⁷ Там же, ед. хр. 2716.

В 1937 году он оказывается в Польше, в имении графа Хрептовича, откуда, как он пишет Метнеру, *«рукой подать... от русской милой границы. Средства небольшие на совершение этой комбинации [переезда — Т. М.] потребуются!? Пожалуй, и найдутся»*¹⁸.

На жизнь он по-прежнему зарабатывал духовными сочинениями (Месса св. Девы, 1938–1939; Месса св. Пятницы, 1939, *Te Deum*, 1939). А для души *«массу времени ухлопал на писание большой музыкальной поэмы на иллюстрированную детскую сказку преталантливового поэта Чуковского “Похождения Крокодила Крокодиловича” для баритона и рояли»*¹⁹, подробно отрецензированной и одобренной Рахманиновым. *«Хотелось бы Вам послать, — пишет Конюс Метнеру, — чтобы Вам посмеяться над забавным очень сюжетом и над старым музыкантом, который в области дурачества не унывает»*²⁰. Чувство юмора — одно из наиболее привлекательных свойств характера Юлия Эдуардовича — не изменяло ему до конца дней, очень помогая в преодолении житейских трудностей и препятствий.

В 1940 году Юлий Эдуардович наконец возвращается в Москву. Была ли эмиграцией поездка на родину предков человека, оставшегося юридически гражданином этой страны? Средний из трех братьев-музыкантов, Юлий и в этой ситуации занял как бы промежуточное положение. Георгий, несмотря на редкие приступы ностальгии по Франции (из письма к дочери, находившейся в Монте-Карло: *«в стране милой моему сердцу, стране моих далеких предков, на стыке Италии и Франции...»*), остался в России²¹. Лев, напротив, старался найти наиболее благоприятные условия за границей, перебравшись из Франции в Америку. Юлий же пребывал *«и здесь, и там»*. Даже такая, на первый взгляд маловажная деталь, как постоянный переход с французского на русский, иногда прямо в середине предложения, в письмах к Георгию Эдуардовичу, свидетельствует о колебании души. *«Как ни грустно, что Вы покинули нашу прекрасную Францию, — пишет Юлий Метнеру в 1935 году, — но прекрасна она главным образом сыром бри, красным вином и грушами дюшес, а в музыкальной сфере такой полный ноль, что музыкантам-артистам тут жить нельзя»*²².

¹⁸ Конюс в письме к Метнеру от 1 января 1938 года описывает обстановку, в которой протекала его жизнь в имении: *«Русские избы, бабы в платках канареечного, малинового и других невероятно ярких цветов... в грязи копошатся свиньи, гуси, такая неопишуемая поэзия, просто прелесть»* (ф. 132, ед. хр. 1044).

¹⁹ Там же.

²⁰ РНММ, ф. 132, ед. хр. 1044.

²¹ В конце 1920-х годов Георгий Эдуардович тоже отправился в Париж, в научную командировку, но она оказалась почти роковой: тяжелая болезнь едва не привела к смертельному исходу. Генетическая связь с прародиной выразилась наиболее определенно в музыкальных сочинениях Г. Э. Из воспоминаний С. И. Василенко: *«Конюс старался придать русский стиль своему творчеству, но это ему плохо удавалось, французский колорит везде брал верх»* [3, 87].

²² РНММ, ф. 132, ед. хр. 1042.

Достаточно сопоставить это высказывание с приведенными ранее словами о «русской милой границе» с резко подчеркнутым рукой Юлия Эдуардовича определением «**русский** композитор» в отзыве американского журнала на исполнение его Скрипичного концерта и множество других деталей, чтобы не столько лишний раз убедиться в раздвоенности музыканта между двумя родинами, сколько почувствовать его безусловное духовное притяжение к России, к живым и дорогим идеалам московской музыкальной жизни, консерватории, осененной именами Чайковского, Танеева и Аренского. Кстати, и в юности, уезжая по настоянию Чайковского в Париж и Нью-Йорк, Юлий не мог там долго оставаться — тянуло в Москву. Петр Ильич, назвав Жулика в шутку франко-руссо-американцем, предсказал судьбу его младшего брата Льва.

Знал ли Юлий Эдуардович, как его могут встретить в СССР? Трудно представить, что родные и друзья не высказывали опасений, но 70-летний музыкант, далекий от политики, кажется, и не думал о последствиях. Может быть, никого и ничего не боялся или верил, что в Москве с ним не может случиться ничего плохого.

«Реприза» жизни Юлия Эдуардовича (а всю его жизнь можно представить как трехчастную форму: Москва — Париж — Москва)²³ оказалась слишком краткой, но необычайно интенсивной. Он преподавал, много сочинял (главным образом, произведения для детей), общался с коллегами и друзьями, просто радовался жизни, даже в трудное военное время. «Юлий Эдуардович... был счастлив, что вернулся в Россию, что его приняли в Союз композиторов, что встретил однокашников-друзей»²⁴. А. Б. Гольденвейзер записал в своем дневнике от 25 августа 1941 года: «К 10-ти пошел в консерваторию. Пришел старик Юлий Конюс. Бодрый. Сочинил прекрасную боевую песню для хора с духовым оркестром. Полон энергии. Порадовался я за него» [4, 192]. Юлий Эдуардович сочинил несколько военных песен, в том числе «Идет война народная» на тот же текст, что и «Священная война» А. Александрова.

Умер Юлий Эдуардович в декабре 1942 года в Меленках Владимирской области, приехав навестить сестру Ольгу Эдуардовну.

Из всех потомком Конюсов, насколько мне известно, самым талантливым и оригинальным был сын Юлия Эдуардовича Сергей. Из его автобиографии, хранящейся в ГЦММК²⁵, узнаем, что он родился в Москве 18 октября

²³ Подобную «трехчастность» можно видеть и в судьбе дочери Георгия Эдуардовича Наталии (1914–1989) с той разницей, что ее зарубежная эпопея была яркой, но весьма недолгой. После окончания Московского хореографического училища в 1931 году она отправилась в Париж, танцевала в балетной труппе Иды Рубинштейн в пору ее расцвета, когда там ставили балеты Л. Мясин, А. Фокин, А. Бенуа, а затем гастролировала по миру с Русским балетом Монте-Карло, считавшимся преемником Русских балетов С. Дягилева. Через два года вернулась в Москву, почти тридцать лет танцевала в Большом театре и Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Окончила ГИТИС как балетмейстер, ставила балетные спектакли в разных городах Советского Союза, преподавала.

²⁴ Конюс Н. Г. Воспоминания об отце [2, 68].

²⁵ Ф. 62, ед. хр. 2792 и 2793.

1902 года, четырех лет поступил в школу дяди, Льва Эдуардовича, на подготовительный курс фортепиано. С шести лет начал сочинять. Гармонией занимался с Е. А. Катгаром и с отцом (с ним же позже прошел и курс контрапункта строгого стиля) и в 13 лет сдал полный курс гармонии при Московской консерватории. Брал уроки у О. Риземана. Школу закончил сонатой ор. 106 Бетховена. Ему было тогда 15 лет.

После переезда семьи в Париж занимался сначала с Корто, а затем в Национальной консерватории, из которой вышел лауреатом. Закончил богословский факультет университета в Софии и одновременно давал концерты и выступал по радио. А с 1936 года начал странствовать по Европе: Вена, Париж, Рим, Пиза... Был очень религиозен, ходил одно время из города в город в веригах, признаваясь, что любит музыку больше Бога и таким способом замаливает свой грех.

В 1940 году, после демобилизации из армии, преподавал на высших курсах фортепиано в Русской консерватории в Париже, потом уехал в Марокко, а в 1953 был приглашен в Америку в качестве профессора высших фортепианных курсов Бостонской консерватории, где и остался, очевидно, до конца жизни. Как композитор создал 45 опусов.

Сергей Юльевич заканчивает свою биографию (возможно, отвечая воображаемым оппонентам) знаменательными словами: «Чайковский мечтал соединить все разнородные музыкальные элементы в единый язык, и чем я виноват, что моя Муза любовно напевает мне на ухо языком наших великих предшественников: классиков, немецких и русских романтиков и народников? <...> Я никому не “подражал”, я не “подражатель”, а “продолжатель” — в меру, данную мне»²⁶. Для С. Конюса самыми близкими остались идеалы того поколения, к которому принадлежали его отец, дядя Лев Эдуардович, Рахманинов, Метнер... Поколения, завершившего блестящую эпоху в русской музыкальной культуре, которая освящена именем П. И. Чайковского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воспоминания о Рахманинове. Том 1. Сост., ред., примеч. и предисл. З. А. Апетян. — Москва: Гос. муз. изд-во, 1961. — 510 с.
2. Конюс Г. Э. 1862–1934. Статьи, материалы, воспоминания: к 100-летию со дня рождения. — Москва: Музыка, 1965. — 143 с.
3. Василенко С. Н. Страницы воспоминаний. — Москва: Музгиз, 1948. — 188 с.
4. Гольденвейзер А. Б. Статьи, материалы, воспоминания / сост. и общ. ред. Д. Д. Благого. — Москва, 1969. — 488 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Т. Ю. Масловская — кандидат искусствоведения, музыковед, профессор.

²⁶ Ф. 62, ед. хр. 2792.

REFERENCES

1. *Vospominaniya o Rahmaninove*. Tom 1. Cost., red., primech. i predisl. Z. A. Apetyan [Memories of Rachmaninoff. Volume 1. Comp., ed., note. and a preface by Z. A. Apetyan]. Moscow: Gos. muz. izd-vo, 1961. 510 p.
2. *Konyus G. E. 1862–1934. Stat'i, materialy, vospominaniya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [1862–1934. Articles, materials, memoirs: on the 100th anniversary of his birth]. Moscow: Muzyka, 1965. 143 p.
3. *Vasilenko S. N. Stranicy vospominanij* [Pages of memories]. Moscow: Muzgiz, 1948. 188 p.
4. *Goldenweiser A. B. Stat'i, materialy, vospominaniya / sost. i obshh. red. D. D. Blagogo* [Articles, materials, memoirs / comp. and the general editorship of D. D. Blagogo]. Moscow: Sovetskij kompozitor, 1969. 488 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Tatiana Yu. Maslovskaya — Cand. Sci. (Arts), Musicologist, Professor.

Поступила в редакцию / Received: 12.10.2024

Одобрена после рецензирования / Revised: 20.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 9.12.2024